К. Солт
Между нотами
и биением сердца

Кристина Солт

Между нотами и биением сердца

«Автор»

2025

Солт К.

Между нотами и биением сердца / К. Солт — «Автор», 2025

Алиса Петрова – одаренная пианистка, чья жизнь перевернулась с ног на голову из-за тяжелой почечной недостаточности. Её надежда угасает с каждым днём, пока на её пути не появляется Марк Андреев – талантливый и загадочный нефролог. Между ними вспыхивает необыкновенная связь, сотканная из музыки, боли и хрупкой надежды. В стенах клиники, где каждый вздох может быть последним, их любовь расцветает, бросая вызов судьбе и собственным страхам. Но сможет ли их чувственная связь преодолеть все препятствия и привести к счастливому исходу, когда жизнь каждого из них висит на волоске? Эта история о настоящей любви, силе духа и втором шансе, который порой дарит нам Вселенная.

© Солт К., 2025
© Автор, 2025

Содержание

Глава 1: Несовершенная симфония 5
Глава 2: Новая аранжировка 7
Глава 3: Гармония в тишине 9
Глава 4: Ритм их душ 11
Конец ознакомительного фрагмента. 12

Кристина Солт
Между нотами и биением сердца

Глава 1: Несовершенная симфония

Алиса Петрова всегда жила музыкой. Она дышала ею, видела её в красках заходящего солнца над Невой, слышала в шуме старого трамвая, катящегося по проспекту. Каждая её клеточка вибрировала в унисон с фортепианными аккордами, будь то рахманиновская меланхолия или шопеновский полет. В свои двадцать четыре года Алиса была восходящей звездой Санктбургской консерватории, её пальцы танцевали по клавишам с такой грацией и силой, что зрители в зале замирали, забыв о дыхании. Её будущее виделось ей таким же ясным и многообещающим, как безоблачное летнее небо над Финским заливом.

Сегодня был очередной день репетиции к предстоящему международному конкурсу. Зал был огромным, пустым, лишь одинокий прожектор выхватывал из полумрака черный рояль и хрупкую фигуру Алисы. Она сидела, выпрямив спину, длинные каштановые волосы были собраны в небрежный пучок на затылке, открывая изящную шею. Пальцы пробежались по клавишам, извлекая первые, нежные звуки прелюдии Скрябина. Музыка наполнила пространство, унося Алису прочь от реальности, от навязчивого ощущения усталости, которое преследовало её последние несколько недель.

Усталость. Она была странной, коварной. Сначала Алиса списывала её на напряженный график, на бесконечные репетиции и бессонные ночи перед экзаменами. Потом к ней присоединились головные боли, легкое головокружение, иногда – отеки на лодыжках, которые она прятала под широкими брюками. Но сегодня, посреди самого напряженного пассажа, её пальцы внезапно сбились. Мелодия споткнулась, издав фальшивый, режущий слух звук. Алиса вздрогнула, будто получила удар током. Такого с ней не было никогда. Её техника была безупречна, её пальцы – продолжением души.

Она попыталась продолжить, но руки дрожали, зрение поплыло. Зал завертелся перед глазами. Холодный пот выступил на лбу.

«Что со мной?» – промелькнула паническая мысль.

Она резко поднялась, схватилась за край рояля, чтобы удержать равновесие. Голова раскалывалась. Всё вокруг потемнело. Последнее, что она помнила, был лязг упавшей банкетки и голос встревоженной уборщицы, спешившей ей на помощь.

Очнулась Алиса уже на полу, прислонившись к холодной ножке рояля. Уборщица, пожилая женщина в синем халате, стояла рядом, прикладывая к её лбу мокрый платок.

– Девочка моя, да что ж это с тобой? Совсем бледная! – причитала она. – Я сейчас «скорую» вызову.

– Нет, нет, не надо, – Алиса попыталась улыбнуться, но губы слушались плохо. – Просто устала, переутомилась.

Она заставила себя встать, игнорируя слабость в коленях. Но тревога уже поселилась в ней, холодная, липкая. Это было не просто переутомление. Это было что-то новое, страшное. Несовершенная симфония её тела давала сбой, и она это чувствовала.

На следующий день Алиса рассказала маме. Елена Петрова, женщина элегантная и всегда собранная, выслушала дочь с нарастающей тревогой. Она сама была музыкантом, преподавателем в той же консерватории, и прекрасно знала, что такое “творческое переутомление”, но случай Алисы казался ей чем-то иным. Бледность, отеки, постоянная усталость – всё это не укладывалось в рамки обычной нагрузки.

– Доченька, мы немедленно идем к врачу, – твердо сказала Елена, глядя на Алису со смесью любви и беспокойства. – Никаких отговорок.

Алиса не сопротивлялась. Она и сама понимала, что шутки кончились.

Походы по врачам начались. Сначала участковый терапевт, потом анализы, потом направление к специалистам. Дни сливались в бесконечную череду ожиданий в коридорах поликлиник, запахов медикаментов и равнодушных взглядов. Каждое новое обследование приносило лишь новые вопросы, но не ответы.

– У вас повышено давление, – говорил один врач.

– Анемия, – констатировал другой.

– Повышенный белок в моче, – удивленно произносила лаборантка.

Каждый результат был тревожным фрагментом пазла, но никто не мог собрать их воедино.

Состояние Алисы ухудшалось. Её кожа стала сухой, глаза впали. Отеки распространились на всё тело, делая её неузнаваемой. Раньше стройная и легкая, она теперь чувствовала себя тяжелой и неповоротливой. Музыка отступала, вытесняемая постоянной слабостью, тошнотой и изнуряющей болью в пояснице. Фортепиано в её квартире стояло молча, как немой свидетель угасающей мечты. Приближающийся конкурс казался далеким, нереальным событием из прошлой жизни.

Елена наблюдала за дочерью с невыносимой тоской. Она видела, как свет в глазах Алисы меркнет, как уходит её энергия, как тает её улыбка. Каждый день был борьбой, и Елена боролась вместе с дочерью, стараясь найти лучшего специалиста в их огромном городе.

Наконец, после месяцев мучений и неправильных диагнозов, им посоветовали обратиться в Институт нефрологии и трансплантации в Санктбурге. Там, сказали, работают настоящие светила, способные разобраться в самых сложных случаях. Надежда, тонкая, как ниточка, снова затеплилась в сердце Алисы. Она хотела жить. Хотела снова играть. Хотела вернуться к своей несовершенной, но такой любимой симфонии.

Глава 2: Новая аранжировка

Стены Института нефрологии и трансплантации в Санктбурге были стерильно-белыми, а воздух пропитан запахом антисептиков. Этот запах стал для Алисы новым аккомпанементом к её жизни, вытеснив аромат цветущей липы из старого парка и терпкий запах концертного зала. После череды изнурительных обследований, пункций и анализов, диагноз прозвучал как приговор: хроническая почечная недостаточность в терминальной стадии. Единственное спасение – трансплантация почки. До тех пор – постоянный диализ.

Впервые услышав эти слова, Алиса почувствовала, как земля уходит из-под ног. Трансплантация. Диализ. Эти слова были чужды и страшны. Они означали, что её тело, когда-то безупречный инструмент для музыки, теперь сломано. Она смотрела на маму, чьи глаза были полны слез, но губы сжаты в попытке казаться сильной.

– Доченька, мы справимся. Вместе, – прошептала Елена, сжимая руку Алисы.

Началась новая жизнь. Три раза в неделю Алиса проводила по четыре часа в отделении гемодиализа. Это были тягучие, монотонные часы, когда она лежала на удобном кресле, прислушиваясь к равномерному гулу аппарата, который очищал её кровь. Рядом сидели такие же люди с бледными лицами, каждый со своей историей, своим страхом. Алиса пыталась читать, слушать музыку в наушниках, но её мысли постоянно возвращались к прошлому, к тому времени, когда она была свободна, здорова, полна планов.

Впервые она увидела его на одном из обходов. Доктор Марк Андреев. Высокий, с проницательными серыми глазами и тонкими губами, которые редко расплывались в улыбке. Он был молод, но его взгляд и осанка выдавали уверенность и авторитет. Когда он говорил, его голос был низким и спокойным, каждое слово взвешенным. Алиса сразу почувствовала в нем нечто большее, чем просто врача. В нем была какая-то глубокая, почти осязаемая сосредоточенность, словно он всегда погружен в свои мысли, решая сложную задачу.

В тот день он впервые обратился к ней напрямую.

– Алиса Петрова? – его голос был тихим, но чистым. – Вы новенькая у нас?

– Да, – её голос звучал хрипло. – Третья неделя.

Он взял её карточку, внимательно изучил записи.

– Я ваш новый лечащий врач, – сообщил он. – Марк Андреев. Мы постараемся сделать всё возможное, чтобы вам было комфортно, и найти подходящего донора как можно скорее.

Его взгляд скользнул по ней, не задерживаясь, но Алиса поймала в нем мимолетную искорку сочувствия, скрытую за профессиональной отстраненностью. Он не смотрел на неё как на пациента, а как на человека, требующего помощи. Это было что-то новое, отличающее его от других, кто смотрел либо с жалостью, либо с равнодушием.

Следующие несколько недель Марк стал её тенью. Он появлялся на обходах, задавал вопросы, внимательно слушал её ответы, иногда поправлял настройки диализного аппарата сам. Он был строг, но справедлив, требователен, но всегда готов объяснить что-то, если она не понимала. Алиса начала замечать детали: как он поправляет очки на переносице, когда задумывается; как его глаза слегка морщатся, когда он устал; как он бережно обращается с самыми хрупкими пациентами.

Однажды, во время очередного сеанса диализа, Алиса слушала через наушники одну из своих любимых фортепианных сонат. Она закрыла глаза, пытаясь представить себя за роялем, вернуть те ощущения, ту свободу. Внезапно она почувствовав, что кто-то стоит рядом. Открыв глаза, она увидела Марка. Он стоял чуть поодаль, руки в карманах медицинского халата, и внимательно смотрел на неё.

– Что вы слушаете? – спросил он, его голос был необычно мягким.

Алиса сняла наушники.

– Скрябин. Прелюдия ми-бемоль мажор, – она чуть улыбнулась. – Одна из моих любимых.

– Вы играете? – в его глазах появился неподдельный интерес.

– Играла, – поправила она, стараясь скрыть горечь. – Училась в консерватории. Я пианистка.

Марк кивнул, его взгляд стал задумчивым. Он ничего не сказал, просто продолжал внимательно слушать отголоски музыки из её наушников. А потом, через несколько секунд, произнес:

– Красиво. В ней есть что-то… запредельное.

Алиса была удивлена. Не многие врачи проявляли такой интерес к её увлечениям, а уж тем более так глубоко понимали музыку. Этот мимолетный диалог посеял в ней крошечное семя любопытства. Кто этот человек? Что за тайны скрываются за его строгим, профессиональным фасадом? И почему он, единственный из всех, смог увидеть в ней не просто пациента, а человека с душой, полной музыки? Это было новое чувство, новая аранжировка для её измученного сердца.

Глава 3: Гармония в тишине

После того разговора Скрябина, что-то изменилось. Марк Андреев по-прежнему оставался её лечащим врачом – профессиональным, сдержанным, внимательным. Но теперь в его взгляде, когда он смотрел на Алису, проскальзывала едва уловимая теплота, едва заметный интерес, выходивший за рамки медицинской этики. Он стал задерживаться у её кресла чуть дольше, чем у других пациентов. Их разговоры теперь касались не только её анализов и самочувствия, но и других вещей: книг, фильмов, искусства… и, конечно, музыки.

Алиса, поначалу настороженная и замкнутая, постепенно начала оттаивать. Внутри неё, казалось, что-то снова начинало звучать, пусть пока и очень тихо, почти неслышно. Она заметила, что Марк знает многое о композиторах, о разных музыкальных эпохах. Он мог легко определить мелодию, которую она беззвучно напевала, или цитировать строки из стихотворений, которые ей нравились. Он был не просто врачом, он был человеком глубоким и многогранным.

Однажды, когда она читала сборник Мандельштама, Марк присел на соседнее кресло, дождавшись, пока медсестра закончит её процедуру.

– Мандельштам? – спросил он, кивнув на книгу. – Вы любите поэзию?

– Очень, – ответила Алиса. – Особенно тех, кто умел видеть мир по-особенному.

– Как и в музыке, – заметил Марк. – То, что нельзя выразить словами, передается звуками. Или, как в поэзии, сжатыми образами.

Она посмотрела на него, удивившись. Он говорил совершенно непринужденно, словно они были старыми друзьями.

– А вы? – спросила Алиса. – Что вы любите, кроме медицины?

Его губы тронула легкая, почти неуловимая улыбка.

– Я? Я люблю тишину. И книги. И, конечно, музыку. Классическую, чаще всего. Она помогает мне упорядочить мысли. Особенно после тяжелых дней.

Эта фраза заставила Алису почувствовать его человеческую сторону. За маской непоколебимого профессионала скрывался живой человек со своими потребностями и способами справляться с давлением.

Время, проведенное на диализе, перестало быть столь мучительным. Теперь Алиса ждала его приходов. Всего несколько минут его внимания, несколько слов, и она чувствовала прилив сил. Её взгляд стал искать его в коридорах, среди других врачей. Когда их глаза встречались, между ними пробегала невидимая искра, которая заставляла сердце Алисы биться быстрее, а на щеках выступал легкий румянец.

Её мать, Елена, тоже заметила изменения.

– Что-то с тобой происходит, доченька, – сказала она однажды вечером, когда Алиса вернулась из клиники. – Ты выглядишь… светлее.

Алиса отмахнулась, пытаясь скрыть смущение.

– Просто мне кажется, что я начинаю привыкать.

Но это была не привычка. Это было нечто большее.

Однажды, возвращаясь с очередного сеанса, Алиса случайно встретила Марка в вестибюле. Он уже собирался уходить, в руках у него был кейс.

– Алиса Петрова, – он слегка кивнул. – Как себя чувствуете?

– Нормально, доктор Андреев, – ответила она, чувствуя, как начинает волноваться.

– Марк, – поправил он, и улыбка, на этот раз более явная, коснулась его губ. – Мы ведь уже вышли за рамки просто пациента и врача, не так ли?

Его слова вызвали волну тепла, разливающуюся по её телу. Это был шаг, маленький, но значимый.

– Марк… – повторила она, пробуя его имя на вкус. – Я чувствую себя… лучше, чем обычно.

Он посмотрел на неё, его серые глаза задержались на её лице.

– Это хорошо. Я рад, что вы находите в себе силы. Это очень важно.

Алиса вдруг набралась смелости.

– Марк, вы однажды сказали, что любите музыку. Может быть… когда-нибудь, если я поправлюсь… я смогу сыграть для вас?

Её сердце замерло в ожидании. Это было больше, чем просто просьба. Это было предложение, надежда.

Он внимательно посмотрел на неё. В его глазах отразилась какая-то глубокая, сложная эмоция. Он колебался секунду, а затем его взгляд смягчился.

– Я был бы очень рад этому, Алиса, – тихо сказал он. – Это было бы для меня честью.

В этот момент Алиса почувствовала, что между ними возникла невидимая, но прочная связь. Мелодия её жизни затихала, но в ней появлялась новая гармония, робкая, но искренняя, способная зазвучать даже в самой глубокой тишине. Её сердце, измученное болезнью, впервые за долгое время предвкушало что-то хорошее.

Глава 4: Ритм их душ

С каждым днем связь между Алисой и Марком крепла. Их короткие разговоры в стенах клиники становились всё более личными, затрагивающими не только болезнь, но и их внутренние миры. Они говорили о философии, о глубоких смыслах бытия, о том, как музыка и искусство помогают пережить самые темные времена. Марк открывал ей свои мысли о медицине не только как о науке, но и как об искусстве исцеления, где человек – это не просто набор органов, а сложная симфония души и тела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.